

В. А. Конев¹

ОТ КУЛЬТУРЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ К КУЛЬТУРЕ ПРИСУТСТВИЯ

Название книги Освальда Шпенглера «Закат Европы» (“*Der Untergang des Abendlandes*”) стало своеобразным эпиграфом к интеллектуальным размышлениям XX века о судьбах европейской культуры и цивилизации. Лучшие умы XIX века жили с идеей, что возможно решение всех проблем общества, что развитие науки и техники может это гарантировать, что есть истинные ценности, которые в конце концов смогут убедить всех и стать основанием счастливой жизни. Но мировые войны XX века, лагеря смерти, угроза ядерной катастрофы, экологические кризисы — эти и подобные феномены заставили лучшие умы XX века усомниться в возможности легкого решения проблем человечества и в могуществе культуры. «Освенцим доказал, что культура потерпела крах», — утверждает Теодор Адорно. «После Освенцима любая культура вместе с любой ее уничижительной критикой — всего лишь мусор», — заключает он². Не стало ли такое отношение к культуре причиной нового способа обращения с ней в последние десятилетия, получившего название «постмодернизм»? Постмодернизм, как его обычно представляют, подразумевает идейную и стилистическую свободу (теперь нет никаких канонов — Бог умер!); аллюзии, цитаты, ремейки (теперь нет авто-

ра — смерть автору!); сочетание того или этого с чем угодно (теперь нет гармонии — ризома!); постоянное беспокойство, тревогу (что-то наступит, что-то грядет — «В ожидании Годо!»). Но за стилистическими симптомами явно скрываются более серьезные культурные процессы — революционные сдвиги в культуре, изменения доминантных установок культуры Просвещения и культуры модерна.

Культура Нового времени (культура модерна), утвердившаяся в результате многоэтапной культурной революции, имевшей место в периоды Возрождения, Реформации и Просвещения, выстроила стройную и ясную картину жизни общества и человека.

Эта картина включала:

— четкое разделение видов деятельности — разделение труда в материальном производстве, специализацию в науке (становление дисциплинарной науки), разделение видов искусства и т. п.;

— нормативную, согласно определенной логике, организацию каждого вида деятельности: философия (Бэкон, Декарт, Кант, Гегель) определила методы и логику науки, «Грамматика Пор-Рояля» структурировала язык, «Хорошо темперированный клавир» Баха упорядочивал музыкальный язык, «Поэтика» Буало утвердила метод классицизма в искусстве (после чего возникло само представление о художественном методе), правила Баррема регулировали бухгалтерский учет и т. п.;

— монолог разума, который признается распорядителем и носителем единственной для всех Истины. Разум оказывает уважение только тому, «что может устоять перед его свободным и открытым испытанием» (Кант) «Что разумно, то действительно, и что действительно, то разумно» (Гегель);

¹ Профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор около 300 научных публикаций, в т. ч.: «Смыслы культуры», “The Anthropological Project of S. L. Frank”, «Две концепции логики смысла: Жиль Делёз и Андрей Смирнов», «Умберто Эко: поэтика Джойса и смена типа культуры», «Концепт творчества» и др. Член Российского философского общества, Научно-образовательного культурологического общества.

² Адорно Т. В. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. С. 327.

— доминирование утилитарности и частного интереса над ценностями: польза или отношение к пользе выступает конечным оправданием всякого действия («Принцип полезности не требует и не признает никакого другого регулятора, кроме самого себя» — И. Бентам).

В культуре, организованной таким образом, человек становится подчиненным тем видам деятельности, опыт и содержание которых определяют смыслы и ценности культуры. Регламентируя методы и логику деятельности в различных областях жизни, культура модерна создает определенное, цельное и единое *представление* о мире и человеке. Мир, *представленный в знаниях*, — это мир Канта (вспомним его коперниканский переворот), мир культуры Просвещения. Репрезентантом этого мира становится хорошо выстроенный текст. Текст *представляет* человеку Просвещения мир, в котором он живет. Научный текст отображает законосообразный мир природы, художественный текст романа — мир семейной и общественной жизни, живопись (текст картины) — мир вещей и образ человека, музыка (текст музыкальной пьесы) — чувства и настроения человека. Идеи автора текста представляют логику разума, красоту, справедливость и нравственные идеалы. Правильное восприятие этих идей направлялось и контролировалось критиками и системой образования. Материальной формой существования культуры *представления* становится печатная книга — мир галактики Гутенберга, как выразился Маршалл Маклюэн. Воспроизводимость и повторяемость печатного текста укрепляли представление о постоянстве истины и существовании всеобщего интереса.

Результатом культуры модерна становится человек, который благодаря полученным представлениям идентифицирует себя с определенным сообществом (нацией, классом/стратой, государством), владеет определенными знаниями, навыками и умением распоряжаться собственным умом (*Sapere aude!* — призыв Канта), действует свободно согласно познанной необходимости. В 1862 году Томас Гексли так выразил представление о достойном представителе культуры Просвещения: «Только тот, я думаю, может говорить, что получил образование свободного человека, кто с юности приучил свое тело быть послушным слугой своей воли и в силах легко и с радостью выполнить, как машина, всю работу, на которую он способен; чей ум ясен, холоден, подобен счетному механизму, где все части работают в такт и с одной отдачей; кто готов, словно паровой двигатель, найти себе применение в любой работе...»¹

Конечно, это идеализированный образ жителя галактики Гутенберга, но он высвечивает культурно-генетический код понимания свободы человеком Просвещения: свобода достигается через знание объективной необходимости и утверждение разумной действительности. Представление об этом в избытке предоставляла книжная «галактика». Цивилизационный прогресс и свобода в обществе, несомненно, неотделимы

¹ Цит. по: Маклюэн М. Галактика Гутенберга / пер. с англ. А. Юдина. Киев : Ника-центр, 2003. С. 254.

от мышления эпохи Просвещения, которое утверждает культурой модерна. Но в то же время это мышление стало причиной саморазрушения Просвещения, по выражению Хоркхаймера и Адорно, которые показали, что «понятие именно этого мышления, ничуть не в меньшей степени, чем конкретные исторические формы, институты общества, с которыми оно неразрывно сплетено, уже содержит в себе зародыш того регресса, который сегодня наблюдается повсюду»².

Сегодня же, спустя более полувека с того момента, когда были сказаны эти слова, европейская культура ищет способы преодоления того кризиса, в котором оказалась культура Просвещения.

Направление этого поиска связано с возвращением человеку технической цивилизации и бюргерского (городского/буржуазного) общества отчужденной от него свободы. Это выражается в том, что культура начинает разрушать перегородки, разделяющие смыслы, ценности и виды деятельности. Во-первых, она перестала быть культурой отраслей. Это культура мозаичная (А. Моль), что прямо демонстрирует экран телевизора в каждом доме. Во-вторых, современная культура — алеаторическая, а не нормативная: случай часто играет решающую роль как при организации, так и при реализации деятельности. В-третьих, в этой культуре диалог сознаний, а не монолог разума определяет Истину и Ценность. В-четвертых, в современной культуре не польза, а действие *a recentiori* (по ситуации, из ситуации) управляет человеком, а уникальность и индивидуальность становятся доминирующими ценностями.

Человек оказывается перед необходимостью самостоятельно организовывать свои действия, ориентируясь на требования конкретной ситуации. *Присутствие* здесь и сейчас, ситуация в ее конкретности, а не *представление* и знание о повторяющихся обстоятельствах становятся основанием действия в современной культуре. Если в мире представлений жизнь опосредована представляющими ее текстами, то мир присутствия — это мир, в котором жизнь выражает себя событиями. Это два разных типа культуры, два разных способа *быть*.

На философском уровне значимость присутствия человека в мире выразил М. Бахтин экзистенциалом «моего не-алиби в бытии»: «Единственность наличного бытия — нудительно обязательна. Этот факт *моего не-алиби в бытии*, лежащий в основе самого конкретного и единственного долженствования поступка, **не узнается и не познается** мною, а единственным образом **признается и утверждается**»³. Обратим внимание — не узнается и познается, а признается и утверждается, то есть *мое не-алиби в бытии*, мое *присутствие* не открывается мне кем-либо или чем-либо (знанием, традицией, правилом), а заявляется и признается. Спустя 80 лет после Бахтина, в 2004 году в ставшей популярной книге под названием «Производство присут-

² Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М. : СПб. : Медиум : Ювента, 1997. С. 10–11.

³ Бахтин М. М. К философии поступка (публикация и вступительная заметка С. Г. Бочарова, примечания С. С. Аверинцева) // Философия и социология науки и техники : ежегод. 1984–1985. М. : Наука, 1986. С. 112. (Курсив Бахтина, выделено полужирным мною. — В. К.)

ствия» Ханс Ульрих Гумбрехт скажет, что в современной культуре «интерес сместился с опознания значений (с “толкования”) к проблемам, связанным с возникновением значения как на конкретно-историческом, так и на метаисторическом уровне»¹, где возникновение значения увязывается с определенными ситуациями.

На уровне обыденного сознания и повседневного поведения значимость присутствия проявляется в самых распространенных вопросах, с которых начинается разговор по мобильному телефону: «Ты где?» или «Можешь говорить?»².

Направленность деятельности современной культуры выстраивается таким образом, чтобы постоянно ставить человека в ситуацию присутствия, где он вынужден заявить себя и выбрать адекватное ситуации поведение. Поскольку ситуации всегда конкретны и хотя бы немного различны, действие человека не может строиться на основе устоявшихся норм и трафаретов, а требует гибких алгоритмов, изобретательности, инноваций, проникновения в смысл ситуации, понимания ее как точки здесь-и-сейчас, куда сходятся в это мгновение все силы мира. Конкретность ситуации (окружения) ставит перед действием вопрос не «что?», а «как?». Индивидуальность как характеристика личности, а также уникальность, оригинальность как характеристики произведений культуры приобретают статус ценности в культуре присутствия.

Становление ценности индивидуальности в современной культуре открывает ее исторический смысл. Культура присутствия должна быть понята как реализация нового варианта культуры модерна. Это не то, что принято называть постмодерном. Постмодернизм возник как определенное стилевое направление, которое отказалось от «чистоты» стиля, — это мозаичность стиля, в которой отразился отраслевой характер современной культуры.

Современный этап развития европейской культуры (а российская культура является ее национальной формой) начался не с появления постмодернистских произведений, а гораздо раньше. Становление современной культуры, которая модифицирует идею частного интереса человека культуры модерна в идею личностного, индивидуального устремления человека культуры *нового* модерна, происходит в форме новой культурной революции, подобной новоевропейской революции, утвердившей культуру модерна.

Первый шаг этой новой культурной революции — возрождение идеи свободы человека, не скованного никакими ограничениями. Эту идею свободы разрабатывал в своей философии Фридрих Ницше, связывая ее с образом сверхчеловека, для которого единственным оправданием действия является сила утверждения са-

мой жизни. Ницше, как и гуманисты эпохи Ренессанса, обращается к Античности, но не к традиции Аполлона, опирающейся на силу формы, а к традиции Диониса, отдающей первенство силам стихии и страсти. Ницше акцентирует те моменты в содержании свободы, которые были свойственны гуманистам Возрождения, но впоследствии были выхолены рационализмом Просвещения. Это отмечает Томас Манн, говоря, что философия Ницше призывала «прийти к новому, более глубокому пониманию гуманизма, чуждому самодвольной ограниченности, отличающей гуманизм буржуазной эпохи»³. Неслучайно ницшеанская традиция стала одним из истоков очередного обновления культуры — нового модерна конца XIX — начала XX века.

Однако новая культурная революция требует и «реформации» господствующей сферы в культуре. В культуре Просвещения таковой была сфера науки, которая отвечала за сохранение и оправдание представления истины и рационализма. Именно внутри самой науки должно было возникнуть новое отношение к истине и рациональному мышлению. И такое новое отношение в науке возникло благодаря теории относительности Эйнштейна и квантовой физике. Сама наука показала, что нет единственной истины, что то, что логично для макромира, оказывается нелогично для мира элементарных частиц. Физики начала XX века выступили реформаторами не только науки, но и самой сферы сознания, что было подхвачено искусством и литературой. Неслучайно художники и писатели начала XX века постоянно ссылались на достижения новой физики.

Что же окажется третьим шагом в утверждении культуры нового модерна? Просвещение XVIII века закрепило за наукой, базирующейся на рациональности *cogito*, представленной чистым разумом Канта, логикой Гегеля и «просвещением ума», основанным на усвоении правил обращения с полученным знанием, институциональную ответственность за утверждение в культуре первого модерна единой истины и свободы, построенных на знании и представлении необходимости. А какая институция или сфера культуры возьмет на себя ответственность за утверждение индивидуальности?

Индивидуальность, конечно, формируется в определенном окружении, но ее смысл заключается в том, что ее бытие самодостаточно, что она свободна в своих проявлениях, что эти проявления всегда ее личные. Свобода — вот поле утверждения личностного своеобразия. Культура первого модерна (культура Просвещения) открыла свободу как понимание и осмысленное использование необходимости, необходимость контролировала свободу⁴, культура нового модерна (культура присутствия) добавляет к этому новый мотив: в рамках какого пространства человек может делать что угодно или быть каким угодно⁵, то есть где пределы свободы. Присут-

¹ Гумбрехт Х. У. Производство присутствия: чего не может передать значение. М. : Новое литературное обозрение, 2006. С. 26.

² Итальянский философ Маурицио Феррарис в своей книге «Ты где? Онтология мобильного телефона» справедливо заключает, что «в “бытии у телефона” кроется проблема *вездесущности* и *индивидуальности*: повсюду (вездесущность) могут найти тебя и только тебя (индивидуальность)», что «без преувеличения можно присвоить телефону [мобильному. — В. К.] характеристику “быть всегда моим” (*Jemeinnikeit*)» (Феррарис М. Ты где? Онтология мобильного телефона / пер. с итал. К. Тименчик, М. Устюжаниновой. М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 44).

³ Манн Т. Философия Ницше в свете нашего опыта // Манн Т. Собр. соч. : в 10 т. М. : Худ. лит., 1961. Т. 10. С. 389.

⁴ Б. Спиноза: «Свободной называется такая вещь, которая существует по одной только необходимости своей собственной природы и определяется к действию только сама собой» (см.: Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Избр. произведения : в 2 т. М. : Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 362).

⁵ И. Берлин о двух значениях свободы: «Первое из этих значений или смыслов, которое, следуя множеству прецедентов, я называю “негативным”, содержится в ответе на вопрос: “Велико ли

стве, культивируемое современным этапом развития культуры, выдвигает определенные требования к человеку. Он должен предьявить или проявить себя — либо открыть свое имя, либо прикрыться маской (в Сети — ником, аватаром). И в том, и в другом случае индивид вступает в зону ответственности, определяемую его собственным поступком. «Мое не-алиби в бытии» — это всегда влияние на мир. До каких границ я могу пойти в этом влиянии? Известный художник актуального искусства Марина Абрамович провела в 1974 году свой знаковый перформанс-испытание «Ритм 0»: «Делайте что угодно с моим телом предложенными предметами — от ножниц до заряженного пистолета». Зритель/участник перформанса оказывается в ситуации испытания его свободы. До каких границ я могу пойти, «делая что угодно»? Это вызов свободы — на что ты решишься? «Человек *не должен* быть свободным, он *обречен* на свободу!» — заявляет Сартр. Значит, возникает новое отношение к свободе — отношение переживания самой свободы, осмысление того, *что* значит для человека свобода, *что* значит для него та новая ситуация, которая не требует долга, а предьявляет ему себя как открытая возможность действия — «Бери от жизни все!». Это испытание свободы, *вызов свободы*.

Дать ответ на этот вызов — вот задача новой культуры, которая идет на смену культуре Просвещения. В культуре Просвещения свобода — ответ на зов необходимости. Знание необходимости и действие соответственно с нею было гарантией свободы. Для нового ва-

рианта культуры модерна, для модерна не в варианте представления, а в варианте присутствия ответ на вызов свободы укоренен в том *опыте свободы*, которым владеет человек.

Где и как приобретается опыт свободы? Он приобретается тогда, когда человек ставит свои действия в отношении к пределу, к преодолению границ как испытанию своих возможностей и способностей. Свобода — это напряжение трансгрессии, способность видеть пределы, к которым устремлены и которыми заряжены твои действия.

Как это может быть реализовано? Вряд ли можно представить себе некий методический комплекс, который указывал бы на конкретные практики, однозначно ведущие к достижению цели. Ясно, что опыт свободы является не просто личным опытом, но опытом глубоко индивидуальным, приобретаемым в процессе самой индивидуации. Культивирование способности распознавания индивидуации и понимание ее ценности и должно определять логику действия современной культуры.

Если текст в форме печатной книги (галактика Гутенберга) создал идеальные условия для утверждения культуры представления, то появление «книги лиц» — Facebook и галактики новых информационных технологий (галактика Цукерберга) создает новое пространство, требующее непосредственного присутствия действующего индивида, провоцирует новую культуру, способную заселить это пространство.